

Элементы фолк-истории в современной русской литературе и схожие явления в чешской литературе

Elements of Folk-History in Contemporary
Russian Literature and Similar Phenomena
in Czech Literature

Андрей Викторович Артёмов

Аннотация:

Феномен фолк-истории характерен для исторических трудов, авторы которых ищут альтернативные пути интерпретации тех или иных событий. Как правило, речь идёт о ненаучных теориях, объясняющих осуществление или развитие важных исторических событий, предлагающих новые хронологии, периодизации и т. д. В русской литературе первой четверти XXI века можно обнаружить произведения, в которых псевдоистория представлена в качестве единственной «правильной» версии, а также выступает в качестве постмодернистского приёма. Авторы как в ретроспективном, так и в футурологическом плане показывают утопическую картину развития России и человечества (Т. Н. Толстая, В. О. Пелевин, В. Г. Сорокин, В. П. Аксёнов и др.). В некоторой степени такой подход к осмыслению истории представлен и в современной чешской литературе.

Abstract:

The phenomenon of folk-history is characteristic of historical works whose authors seek alternative ways of interpreting certain events. As a rule, we

are talking about unscientific theories explaining the realization or development of important historical events, proposing new chronologies, periodizations, etc. In Russian literature of the first quarter of the twenty-first century one can find works in which pseudo-history is presented as the only "correct" version and also acts as a postmodernist technique. The authors both retrospectively and futurologically show a utopian picture of the development of Russia and humanity (T. N. Tolstaya, V. O. Pelevin, V. G. Sorokin, V. P. Aksyonov, etc.). To some extent, this approach to comprehending history is also represented in contemporary Czech literature.

Ключевые слова:

фолк-хистори, современная русская литература, современная чешская литература, историко-публицистические труды, псевдоистория

Key Words:

Folk-history, modern Russian literature, modern Czech literature, historical-publicistic works, pseudohistory

Феномен, который в работах современных российских и зарубежных историков, филологов, археологов и других специалистов получил критическую оценку и был отнесён к псевдоистории, в России широко проявил себя в 90-е гг. XX века. Его формирование, вероятно, стоит рассматривать в рамках развития и воздействия поп-науки и поп-культуры в масштабах всего мира. Значительную роль в его развитии именно на российской почве, по нашему мнению, сыграл исторический момент – в особенности отмена, нестабильность или расшатывание устоявшихся структур в научной среде, а также значительное недоверие к ним в связи с распадом Советского Союза. Уже в конце 80-х гг. стал ощущаться общий кризис доверия в отношении серьёзной исторической науки, усугубившийся с распадом государства. Кроме того, вероятно, в то же самое время на данное явление повлияло изменение отношений между «научной объективностью» и «фикцией» (Svatoň 2017, 205), которое под влиянием

постмодернистских тенденций в художественной литературе про- никло и в другие области гуманитарных знаний.

Речь идёт о проявившем себя в российской гуманитарной научной среде явлении, на которое позднее (с конца 90-х гг. XX в.) распро- странилось наименование «фолк-истори»¹, ставшее за последних двадцать лет фактически терминологическим.

1. Авторство термина. Примеры работ с псевдоисторическими данными

Возникновение термина «фолк-истори» напрямую связано с дискуссиями об антинаучности и подтасовках фактов в псевдоисторической теории развития мира, получившей общее название «Новая хронология», инициатором создания которой является А. Т. Фоменко. Многочисленные псевдоисторические книги Фоменко и его сторонников были многократно подвержены критике с точки зрения их тенденциозности и ненаучного оперирования фактами и методами. Многие факты были «подтянуты» к желаемым результатам. При этом в ранних работах Фоменко стремится «продлить» историю России, показать ещё более древнее происхождение русских. Позднее его труды приобретают всё более тенденциозный характер и политическую подоплёку.

К примеру, А. А. Зализняк пишет о полемике с А. Т. Фоменко: «Если бы вдруг очистить пухлые фоменковские тома от всех „лингвистических соображений“ (чего эти соображения вполне заслуживают)

¹ «Есть предложенный Д. М. Володихиным термин „фолк-истори“. Используются термины „поп-история“, „псевдоистория“, „параистория“, „антиистория“, „лжеистория“, „история для народа“, „масс-история“, „лженаука“, „квази-история“, „самодетельная история“, „кухонная история“. Это чрезвычайно интересное явление, сам феномен которого заслуживает пристального внимания» (Реценія 2018, 89).

и всего того, что на них построено, то они похудели бы, наверное, в несколько раз, а главное – пропал бы тот захватывающий дух эффект, который производят на соответствующую публику волшебные превращения Ирландии в Россию, Темзы в Босфор, Самары в Рим, Рима в Египет и все прочие чудеса, когда напишешь Испания, а выйдет Китай» (Zalijnjak n.d.). Российский историк Д. М. Володихин, который сам является сторонником имперско-патриотического направления, выступил с критикой «Новой хронологии» (см. Volodichin, Jelisejeva, Olejnikov 1998, 2005). В 1999 году он предложил термин «фолк-хистори», наиболее часто использующийся в российской гуманитарной среде.

Схожее «наследие» оставил В. А. Чудинов, одним из известных псевдоисторических тезисов которого является отождествление русских с этрусками.

Вне русскоговорящего научного сообщества термин «фолк-хистори», хотя и созданный на английской основе, фактически не употребляется. Больше распространение имеет понятие «псевдоистория». К псевдонаучным теориям зачастую прибегают писатели-фантасты, а также писатели-визионеры, показывающие различные картины будущего: от оптимистических до дистопических. Одним из них является английский автор Грэм Хэнкок (Graham Hancock), псевдоархеолог, создатель теорий, оперирующих, к примеру, с расположением египетских пирамид.

Если же авторы не называют себя историками и археологами, то их произведения зачастую можно отнести к научно-художественной литературе, при этом наиболее востребованными в русской научно-художественной литературе стали такие жанры, как научная фантастика и фолк-хистори (Andrejev 2019, 76).

Весьма справедливы отклики со стороны работников исторических библиотек, которые сталкиваются с проблемой комплектации фондов и рубрикации получаемых книг. С одной стороны, исторические библиотеки сосредотачивают свои усилия на отсеивании псевдоисторических книг, статей и других материалов, с другой стороны, повышенный спрос со стороны читателей диктует необходимость

включать такую квазиисторическую литературу в фонды. При этом в библиотеках существенным является разграничение между популярной и научно-популярной литературой: первая исключается, вторая может попасть в фонд (Реценін 2018, 87).

2. Возможные источники фолк-истори

Как нам представляется, появление фолк-истори в российской среде связано с несколькими факторами, о некоторых из которых уже упоминалось выше. При этом все эти факторы воздействовали комплексно в период с конца 80-х гг. и на протяжении 90-х гг. XX-го века, когда расширилось медиа-пространство, когда стала возможной публикация многих ненаучных работ неисториков, хотя и зачастую с профессорскими званиями, полученными в других научных отраслях.

До упомянутого периода тон в описании сверхъестественных явлений, связей с инопланетянами, происхождения от них земель и т. д. задавали писатели-фантасты. К примеру, большое воздействие на литературу оказывали псевдоисторические легенды, одной из которых является легенда об Атлантиде. Писатель-фантаст В. И. Щербаков (1938–2004) сначала написал повесть «Далёкая Атлантида» (1986), которая в некоторой степени прославила его и которую можно отнести к художественной литературе. Позднее он выпустил псевдонаучные книги «Где искать Атлантиду?» (1990), «Всё об Атлантиде» (1990), «Атланты, боги и великаны» (2003). Тяга населения России к раскрытию и познанию всего, что было до сих пор запрещённым, распространилась и на данную сферу литературы, вызывая у некоторых читателей иррациональное недоверие в отношении официальной науки. Спрос на такие издания подтолкнул и других авторов к их созданию зачастую лишь с единственной – коммерческой – целью.

Наряду с развитием псевдонаучных исторических теорий и распространением полумистической фантастики в тот же период продолжает

развиваться вполне качественная современная литература, в рамках которой появляется достаточное количество исторических или псевдоисторических романов. Основными тенденциями исторических романов девяностых годов XX века и нулевых годов XXI века стало объяснение сложившегося хода истории и известных событий некими совершенно неизвестными действиями основных, созданных на базе художественного вымысла героев романа, а также конструирование картин будущего на основании иного исхода событий, т. е. недопустимого историей сослагательного наклонения («как бы было, если бы»). Далее упомянем конкретные примеры таких произведений.

Ещё одним фактором возникновения фолк-истории, существование и проникновения данного явления в другие сферы гуманитарной науки, как мы предполагаем, стал рост влияния СМИ, основным направлением деятельности которых стал постоянный поиск сенсационных материалов. Схожую стратегию выбирают и авторы псевдонаучных квазиисторических трудов, делая ставку на шокирование читателя, причём читательская аудитория в результате подбирается весьма своеобразная, как правило, малоосведомлённая или слишком доверчивая.

3. Опасность воздействия политтехнологий, использующих фолк-истори

Проявление фолк-истории в сфере гуманитарных знаний – это продукт 90-х гг. XX века, когда многие ранее неизвестные сведения стали достоянием общественности, когда появились новые интерпретаторы истории, когда не всегда совместимые факты смешивались и проникали в смежные дисциплины и жанры. Вероятно, можно говорить и о «запросе» самого общества, когда в переломный момент истории многие задумываются над будущим, в том числе и над будущим страны, пытаются отыскать ответы в прошлом, в историческом развитии государства.

Если до 90-х гг. жанры научной фантастики, фэнтези и исторического романа оставались прерогативой литературы, то в дальнейшем они стали выходить за её рамки, а их элементы проникли в работы некоторых интерпретаторов истории или создателей новых «исторических» теорий. В 90-е гг. стало происходить смешение невинного фэнтези, а также «исторического моделирования событий» с надеждой о реализации неких политических шагов. В 2000-е гг. к фолк-истории примешивается элемент политтехнологии и манипуляции с сознанием тех, кто поддаётся на такие подтасовки. Снова муссируются разнообразные «теории заговоров», при этом интернет и социальные сети становятся средством распространения таких текстов, которые можно отнести к жанру фолк-истории.

Смешение методов исторических исследований, подтасовка результатов и использование литературно-публицистических жанров для изложения истории, а также поддержка со стороны политиков правого толка привели во второй половине 10-х и в начале 20-х гг. к продвижению идей великодержавности и имперского пути в развитии России. Вопросы российского миссионизма, разрабатывавшиеся в XIX – нач. XX вв. (Filatov 2002, 157), стали приобретать чуть ли не милитаристический характер. Их философское осмысление искажается при рационально-практической реализации.

4. Исторические романы – это фолк-истории?

Творчество многочисленных псевдоисториков не могло остаться незамеченным среди современных российских писателей. Безусловно, в данной связи сложно говорить о новизне самого содержания данного явления. Новизна скорее кроется в использовании интерпретаторами истории литературных приёмов фантастики, а не наоборот.

Ранее авторы художественной литературы пытались создавать собственный взгляд на историю, но не утверждали, что они представляют на суд читателя серьёзное историческое исследование.

В этом смысле стоит вспомнить о понимании профессии писателя. При создании художественных произведений позволено всё, если писатель не называет свои романы, повести, рассказы, пьесы, поэмы и т. д. «научными трудами по истории». Мифотворчество – это одна из составляющих художественной литературы. В своём мифотворчестве писатели нередко развивают сюжеты собственных произведений посредством использования элементов фолк-истории. Достаточно вспомнить исторические романы В. С. Пикуля, которому часто в вину ставились вольное обращение с историческими фактами и несоответствие характеров персонажей реальным прототипам (Stolyrin 1999). Подобная вольность характерна и для романов Бориса Акунина, а также для его «проекта», в котором он выступает в роли историографа. Проект «История Российского государства» является очередным пересказом российской истории, который вполне можно отнести к жанру фолк-истории.

Примерами современных текстов на русском языке, не претендующих на историческую достоверность или новаторскую интерпретацию истории, но всё же опирающихся на исторические факты, являются прозаические произведения Василия Аксёнова, Татьяны Толстой, Виктора Пелевина, Владимира Сорокина, Дмитрия Глуховского и многих других писателей современной русской литературы. Каждый из упомянутых авторов по-разному представляет взаимодействие своих персонажей и описываемых событий с реальной историей России, включая в свои произведения элементы фолк-истории.

Псевдоистория получает оригинальное развитие в романе В. П. Аксёнова «Остров Крым» (первая публикация в США в 1981 г., в СССР – в 1990 г.). Здесь читатель находит территорию Крыма, на которой на долгие годы задержалось «белое движение», сохранившееся со времён Гражданской войны. Аксёнов смоделировал развитие крымского общества, которое можно сравнить с развитием Тайваня. Финалом его романа стал переход Крыма под власть Советской России. Схожий приём, когда все бурные события, описанные в художественном тексте, наконец как будто «нивелируются» и читатель к концу повествования в сущности оказывается там, куда привела нас реальная

историческая ситуация, используется и в романах «Вольтерьянцы и вольтерьянки» (2004) и «Москва ква-ква» (2006). В первом из них эпоха Екатерины II и её полемика с Вольтером о возможностях либерального и авторитарного правления в России дополнены несуществовавшими персонажами, которые в романе играют решающую роль в истории страны. Во втором романе главная сюжетная линия развивается вокруг персонажей, придуманных автором и не имевших прямого прообраза в реальности. Здесь же присутствует Сталин, который испытывает страх в период обострения советско-югославских отношений. Он боится терактов, которые могли бы осуществить югославские коммунисты, объявившие о строительстве коммунизма по собственному плану и без участия СССР.

Схожий приём заполнения известных исторических событий новыми персонажами использует В. О. Пелевин в романе «Чапаев и Пустота» (1996). Он усложнил действие, разделив его на две временные линии. При этом «историческая» линия, касающаяся Гражданской войны, опирается на трёх персонажей, заимствованных из популярных анекдотов о Чапаеве (сам Чапаев, Петька и Анка). Если у Аксёнова подоплёка развития сюжета в упомянутых романах изначально серьёзна, то у Пелевина – изначально иронична. Кроме того Петька постоянно меняет «измерения», попадая то в эпоху становления Советского Союза, то в 90-е гг. – в эпоху распада СССР. Как Аксёнов, так и Пелевин в упомянутых произведениях и в ряде других описывают «как всё было», создают некие вкрапления в историю якобы неизвестных фактов и влияний, не подвергшихся анализу серьёзных историков. Пелевин в последних романах скорее «подытоживает» события ушедшего года, анализируя и представляя «реальную» подоплёку событий, чтобы у читателя возникло восклицание «А мы и не замечали! Вот как всё, оказывается!».

С другим подходом можно столкнуться, когда читаешь различные типы постапокалиптических повествований. Роман Т. Н. Толстой «Кысь» (2000) показывает ситуацию после некоего Взрыва, когда всё общество перетрансформировалось и главной его составляющей являются мутанты. Толстая иронизирует, мастерски показывая многие

пороки современного не только российского общества, вплетая в повествование реалии российской культуры.

Ироническая перетрансформация русской литературы, роли исторических личностей и возможных путей развития истории, на наш взгляд, представлена в романе В. Г. Сорокина «Голубое сало» (1999), где можно прочесть отрывки из произведений клонов российских писателей.

С дистопическими предсказаниями можно столкнуться в других романах Сорокина, к примеру, в романе «Теллурия» (2013) или в романах Д. А. Глуховского «Метро 2033» (2005), «Пост» (2019).

5. Чешский опыт развития псевдоисторических направлений

Чешские авторы, как может показаться, в меньшей степени обращаются к вопросу миссии чешского государства в мире и его будущего существования. На наш взгляд, в чешской литературе ретроспективность переплетается с каждодневностью, исследуется скорее вопрос, как человек выживал в определённые моменты истории, был ли сломлен его характер, через что ему приходилось пройти. В таком ключе, как мы считаем, история как фон развивающихся событий и в то же время как их «дополнительный двигатель» представлена в произведениях таких авторов, как Иржи Крадохвил («Обещание» / «Slib», 2009), Яхим Тополь («Полоскать дёгтем» / «Kloktat dehet», 2005), Петра Гулова («Станция „Тайга“» / «Stanice Tajga», 2008). В этом ряду несколько особняком стоит роман «Ноябрь» Алены Морнштайновой («Listopád», 2021), в котором представлена альтернативная история после событий ноября 1989 года, т. е. после Бархатной революции.

Дистопические элементы в научной фантастике, связанные с рассмотрением постапокалиптической картины мира, включили в свои романы Одржей Нефф (трилогия «Милений», 1992–1995), Иржи Кулганек («Стронций», 2006).

6. Заключительные замечания

Как нам представляется, элементы фолк-истории можно обнаружить у российских писателей, которые пытаются либо создавать фиктивную картину будущего, либо интерпретировать прошлое с точки зрения неких неизвестных или ранее необнародованных знаний. У избранных чешских авторов мы находим историю в каждодневности персонажей, которые стали участниками или наблюдателями неких исторических событий. Вплетение элементов научной фантастики в исторический роман, как нам представляется, встречается реже.

Литература:

- Andrejev, Artem Andrejevič. 2019. „Paranauka kak novyj stil' v russkoj naučno-chudožestvennoj literature.“ *Vestnik slavjanskich kul'tur*, č. 51: 75–80.
- Filatov, Michail Valentinovič. 2002. „Messianstvo i missionizm v russkoj religioznoj filosofii načala XX v.“ *Vestnik MGUL – Lesnoj vestnik. Istorija i kul'turologija*, č. 3: 156–61.
- Pečenin, Il'ja Viktorovič. 2018. „Komplektovanije profil'noj (istoričeskoj) biblioteki na sovremennom ètape razvitija istoričeskoj nauki: problemy i rešenija.“ In *Vzaimovlijanije informacionno-bibliotečnoj sredi i obščestvennych nauk: sbornik naučnych statej*, eds. Sergej Valer'jevič Sokolov, Ljudmila Nikolajevna Tichonova, Aleksandr Aleksandrovič Džigo, 86–95. Moskva: Institut naučnoj informacii po obščestvennym naukam RAN.
- Stolypin, Arkadij Petrovič. 1999. „Krochi pravdy v bočke lži. O knige V. Pikulja «U poslednej čerty».“ *Chronos*, cit. 24. 8. 2023. http://www.hrono.ru/statii/2007/stol_pik.html
- Svatoň, Vladimír. 2017. *Na cestě evropským literárním polem: studie z komparatistiky*. Praha: Univerzita Karlova, Filozofická fakulta.

- Volodichin, Dmitrij Michajlovič, Jelisejeva, Ol'ga Igorevna, a Dmitrij Ivanovič Olejnikov. 1998. *Istorija Rossii v melkij gorošek. Sbornik statej*. Moskva: Jedinstvo.
- Volodichin, Dmitrij Michajlovič, Jelisejeva, Ol'ga Igorevna, a Dmitrij Ivanovič Olejnikov. 2005. *Istorija na prodažu. Tupiki psevdistoričeskoj mysli. Sbornik statej*. Moskva: Veče.
- Zaliznjak, Andrej Anatol'jevič. n.d. „Principy polemiki po A. T. Fomenko.“ *Russkij pereplet*, cit. 23. 8. 2023. <http://www.pereplet.ru/gorm/fomenko/zaliznk2.htm>

Mgr. Andrej Artemov, Ph.D.
Katedra ruského jazyka
Fakulta pedagogická
Západočeská univerzita v Plzni
Veleslavínova 42
306 14 Plzeň
Česká republika
artemov@krf.zcu.cz